

Часть I
ЧЕРНЫЙ ПИРАТ

ПЕСНЯ УДАЧЛИВОЙ МИАС

Прилив протяженностью в мили
Оставил корабль на суше.
Не приносите в жертву малышку.
Море кричит.
Но Жрицы Старухи не слушали,
Сказали: «Малышка должна умереть».
Тиргендарн сказала:
«Отдайте ребенка кораблям!»
И море пришло к ней на помощь,
Когда слово слетело с губ Дарна.

1

Ужасное здесь и ужасное сейчас

Волны как памятники. Огромные и холодные, жестокие и уродливые. Волны заглушают все звуки, отнимают зрение и чувства. Волны лишают дыхания. Непреодолимые и мучительные.

— Как ты вызываешь морских драконов, Миас Джилбрин?

Когда волны отступают, буря слабеет, агония уходит, оставив тысячу мелких участков боли. Кожа ее запястий и щиколоток в тех местах, где они привязаны веревками к стулу, стерта до крови. Живот сводит от голода, горло горит от криков, постоянно ноют сломанные пальцы ног, которые неправильно срослись. Спину покрывают шрамы от многочисленных ударов плетью.

Пульсирует зуб в дальней части рта — этого они еще не замечают, и она чувствует некоторое удовлетворение. Незначительная боль принадлежит ей — они могли ее использовать, но не сумели. Пока. Она не сомневается, что однажды они догадаются. Они так же изощренно причиняют ей боль, как и самым тщательным образом о ней заботятся. Но сегодня она одерживает небольшую победу над своей мучительницей.

— Я не умею вызывать морских драконов.

Вздых. Миас открывает глаза и видит, что Жрица Старухи села на стул напротив. Девушка красива. Чистые карие глаза, темная кожа без изъянов сияет в потоках света, льющегося из зарешеченного окна. На белом одеянии — чу-

десным образом, учитывая ее профессию — нет ни единого пятнышка крови или сажи от жаровни. Миас чувствует запах собственной горящей плоти, и ее рот наполняется голодной слюной, несмотря на боль от ожогов.

Они жгут заднюю часть ее икры, как будто не хотят, чтобы их жестокая работа оставила слишком заметные следы.

— Это можно прекратить, Миас, ты лишь должна сказать правду.

Она говорит им правду вот уже несколько недель, но они не верят. Поэтому она начинает с того же места, с которого они всегда приступают к пыткам.

— Мой титул — супруга корабля. И если моя мать хочет узнать мои секреты, пусть придет и задаст вопросы.

Смех в ответ. Неизменный смех.

— Ты не настолько значительна, чтобы сюда приходили важные люди, — заявляет мучительница. Она встает, подходит к противоположной стене чистой, белой комнаты и открывает шкаф. — Тебе следует знать, что я занимаю самое низкое место в ордене среди послушниц. Боюсь, на большее тебе не стоит рассчитывать. — Она некоторое время изучает полки, выбирая один из инструментов, лежащих на них. В конце концов останавливается на свертке из вариска, в котором что-то позвякивает, и берет его в руки. Сердце Миас начинает биться быстрее, когда Жрица Старухи возвращается и снова садится напротив нее.

— Я знаю, что имею большое значение, — говорит Миас, чувствуя, как на лбу выступает пот, — и мне известно, что моя мать здесь бывает, потому что я слышу, как ты разговариваешь с ней в соседней комнате, хотя вы и стараетесь приглушать голоса. — Миас в этом не сомневалась.

Жрица Старухи улыбается и кладет свернутую ткань из вариска на маленький столик у жаровни.

— Я сожалею, что разочарую тебя, супруга корабля Миас, но это другая женщина из моего ордена. Мне сказали,

1. Ужасное здесь и ужасное сейчас

что твоя мать никогда не говорила, что собиралась сюда прийти. — Она смотрит на Миас. — Она вообще о тебе не упоминала.

Что-то маленькое, но важное ломается у Миас внутри. Она была так уверена. Но в словах Жрицы Старухи она слышит правду.

— А теперь, супруга корабля Миас, давай займемся твоими пальцами. — У Жрицы Старухи нежные и мягкие руки, в отличие от рук Миас, ставших жесткими за долгие годы, проведенные в море. Однако они сильные, и она заставляет Миас разжать пальцы. — У тебя очень неплохо отросли ногти, — заявляет Жрица Старухи. — Иногда, после того как их вырывают, они теряют форму и становятся кривыми или вовсе не хотят расти. Но ты крепкая. — Она отпускает руку Миас и, повернувшись к столу, раскрывает ткань из вариска — Миас видит набор плоскогубцев разных размеров со странными челюстями и клювами, впрочем, она уже хорошо с ними знакома, лучше, чем ей бы хотелось. Жрица Старухи некоторое время смотрит на них, берет сначала одни, потом другие. — Как печально, что тебе известна столь важная тайна. И печально для меня. Я должна быть очень осторожна с тобой, да, очень осторожна. И нам не следует спешить. Будь твои тайны не такими значительными, наши отношения были бы более приятными. — Она щелкает плоскогубцами перед лицом Миас.

Открывает. Закрывает.

Открывает. Закрывает.

— Я имею в виду, более короткими — для тебя, супруга корабля. А сейчас ты испытываешь мучительную боль, куда более сильную, чем то, что я проделывала с тобой прежде. Но ты будешь благодарить меня, когда я достану нож, который отправит тебя к Старухе, если такова твоя судьба.

Она кладет щипцы назад и берет другие, поменьше.

Открывает. Закрывает.

Открывает. Закрывает.

Поворачивается к Миас.

— Знаешь, они часто меня благодарят. У мужчин и женщин множество тайн, которые становятся тяжким бременем. Я их освобождаю. И они больше не испытывают боли. — Она снова заставляет Миас раскрыть ладонь и приставляет щипцы к самому длинному пальцу, постепенно увеличивая давление на ногтевое ложе. — Они плачут, Миас. Благодарят меня и плачут от радости, когда я их убиваю.

Давление снова усиливается. Но боль еще не приходит. Только обещание боли.

— А теперь скажи мне, как ты вызываешь аракесиана, Миас Джилбрин?

Миас смотрит в глаза своего палача, но не находит в них жалости. Хуже того, она не сомневается, что та думает, будто испытывает к ней сострадание. И еще считает, что делает важную работу, какой бы неприятной она ни казалась. И действительно искренне жалеет Миас. А еще что конец Миас не может быть быстрым, пусть и мучительным. Давление и боль в пальце усиливаются. И Миас знает, как уже много раз прежде, что она больше не в состоянии терпеть.

— Я не могу вызывать кейшанов. — Слова, как позор, обжигают горло, точно они наполнены ядом. Вместе с ними приходят слезы, и она начинает, задыхаясь, рыдать. — Это делает мой хранитель палубы, Джорон Твайнер. Ветрогон называет его Зовущий, и он песней будит кейшанов.

Жрица Старухи смотрит ей в глаза.

— Все та же ложь, Миас, и она не станет правдой, если ты будешь ее повторять. Но я восхишаюсь твоей силой. Не тревожься, мы отыщем хранителя палубы Джорона Твайнера, и я с ним поговорю. — Миас напрягается, готовясь к новой волне боли, но давление исчезает. — Я полагаю, милая Миас, — говорит Жрица Старухи, поглаживая ее щеку, — что на сегодня мы закончили. Ты устала, тебе необходим отдых. Подумай о сегодняшнем дне и о том, каким может быть будущее. Подумай о тайнах, которыми ты мо-

1. Ужасное здесь и ужасное сейчас

жешь поделиться, чтобы покончить с болью. — Она складывает инструменты, подходит к шкафу и кладет их на место. — Я позову морскую стражу, они отведут тебя в твою комнату. Я попросила приготовить для тебя ванну. — Она поворачивается и из мягкой становится жестокой, берет двумя руками голову Миас и отклоняет ее назад так, что той приходится смотреть на Жрицу Старухи сквозь слезы стыда. — Ты ведь красивая женщина, верно? Очень привлекательная. — Она наклоняется к ней вплотную. — Надеюсь, — прошептала она, — что если я попрошу тебя как следует, то смогу забрать у тебя один глаз.

Жрица Старухи отпускает ее и уходит, оставив Миас с двумя противоположными мыслями, которые сражаются в ее сознании:

«Джорон, где ты? Ты сказал, что придешь» и «Джорон, держись подальше. Чем бы ты ни занимался, не позволяй им тебя схватить».

2

Ужасное сейчас и ужасное здесь

Слепой глаз Скирит закрылся, и хранительница палубы Диир шла сквозь ночь, густую и черную, как свернувшаяся кровь. Тихий ропот моря у берега напоминал дыхание: вдох-выдох, вдох-выдох. Скрежет гальки под ее сапогами, когда она направилась к сторожевой башне. Вверх по лестнице на каменный волнолом, вдоль мостика из массивного вариска, почерневшего от времени. Ветер коснулся ее лица, сейчас прохладный, но очень скоро он станет обжигающе ледяным дыханием сезона спячки, когда лед кроет все в Уиндхарте и костяные корабли начнут возвращаться, тяжелые от льда, белого, как их корпуса, за припасами, чтобы возобновить патрулирование северных морей. Теперь костяных кораблей было не так много, как прежде, и заплывали они сюда не часто. Море стало еще опаснее, чем прежде; повсюду в открытой воде рыскали кейшаны и нечто еще более страшное.

Диир для уверенности коснулась рукояти прямого меча, висевшего у нее на бедре.

— Пусть Дарны защитят меня, — тихо сказала она, после чего начала подниматься по лестнице в башню — перила оказались такими холодными, что у нее немели руки.

— Хран-пал.

— Видел что-нибудь, Тафин? — спросила она.

Мужчина покачал головой; он сидел, сгорбившись и завернувшись в толстую одежду, чтобы защититься от холода.

— Все спокойно, — ответил он.

2. Ужасное сейчас и ужасное здесь

Ветер бил ей в лицо.

— Бриз усиливается, — заметила она. — Я чувствую его, когда поворачиваюсь к морю. — Увидев, как опытный дитя палубы поморщился, Диир решила, что он с ней не согласен. Это был один из сотен способов показать, что ты сказала нечто неверное или просто глупость. — В чем дело, Тафин? — Она ждала мягких указаний мужчины.

Тафин ей нравился. Он никогда не заставлял ее чувствовать себя глупой.

— Дело в том, что в это время ветер всегда дует в таком направлении. Вы... — Он смолк.

Тьма на фоне тьмы. Тень оторвалась от ночи. Корабль в море, но на нем нет танцующего зоресвета. В его приближении не было честности. Черный корабль, быстро плывущий благодаря ветрогону, и прежде, чем она успела открыть рот, Тафин и дитя палубы на башне напротив громко крикнули:

— Черный корабль на горизонте!

— ...Корабль на горизонте!

Диир уже успела спуститься до середины лестницы. В городе и в доках зазвонили тревожные колокола, и она знала, что сейчас все женщины и мужчины быстро одеваются и тянутся к оружию.

И все испытывают страх.

Ее ноги коснулись каменного пирса, и она споткнулась, когда услышала боевой стон, шум ветра в натянутой тетиве дуголуков, который громко прозвучал у нее в ушах. Знакомый эластичный звук спускаемой тетивы, хлопок самого лука и свист крылатого дротика. А через мгновение треск вариска и джиона и крики детей палубы, когда в башни попал тяжелый камень. Слишком темно, чтобы разглядеть дальнюю из них, но Диир услышала стон и грохот снаряжения из вариска, когда оно рухнуло, а затем оглушительный всплеск воды. Она сразу поняла, что оно разрушено.